

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Согласно последней воле Бернара де Фаллуа*, весь корпус архивов, который он собрал в ходе своих изысканий по генезису романа «В поисках потерянного времени»*, должен был поступить в распоряжение исследователей.

Он полагал, что важнее всего было избежать такой ситуации, когда бы после его кончины архивы разошлись по аукционам и читатели лишились возможности более полно узнать творчество Пруста.

Настоящее издание отвечает заветному пожеланию Бернара де Фаллуа.

---

* См. комментарии в конце книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нечасто случается извлечь из небытия новеллы Марселя Пруста, о которых никто никогда не слышал.

В 1978 году в издательстве «Галлимар» отдельной книгой вышла в свет новелла «Безразличный», которую Филипп Колб*, занимавшийся изданием переписки Пруста, обнаружил, изучая письма, в одном из журналов конца XIX века. Новелла пребывала в забвении, по меньшей мере со стороны читателей, в то время как писатель прекрасно о ней помнил, когда много позднее работал над фрагментом «Любовь Свана», что вошел в роман «В сторону Свана», первый том эпопеи «В поисках потерянного времени».

Сегодня ситуация несколько иная, поскольку речь идет о новеллах, которые были напи-

саны одновременно с «Безразличным» в эпоху «Утех и Дней», но ранее не публиковались¹: Пруст сохранил рукописные черновики в своем архиве, нигде не обмолвившись об их существовании, по крайней мере, если судить по дошедшим до нас документам.

Что же такого в этих новеллах? Почему он ни с кем о них не говорил? И самое главное — с какой целью Пруст вообще писал эти тексты?

Разумеется, сейчас нам не разгадать всех загадок, тем не менее вполне возможно продвинуться в постижении этих текстов через трактуемые в них темы, ибо почти все они затрагивают вопрос о гомосексуализме. В некоторых из них, как и в тех текстах, которые нам давно известны, вопрос, которым живет Пруст, транспонируется на женскую сексуальность. Другие обходятся без транспозиций. Очевидно, что для своего времени новеллы были слишком многоговорящими, слишком скандальными, вот почему молодой автор решил их утаить. Но у не-

---

¹ За исключением «Воспоминаний капитана»: см. ниже введение к этой новелле, рукопись которой впервые вводится в научный оборот в нашем издании.

го была потребность написать их. В этих текстах местами просвечивает *личный дневник*, который писатель так никому и не доверил.

Сама по себе гомосексуальность могла спровоцировать скандал в эпоху Пруста, особенно в семейном кругу или в светском обществе. Но в новеллах нет ничего скабрёзного, никакого повода для вуайеризма. Как нам предстоит убедиться, в них Пруст чрезвычайно разнообразными путями углубляется в *моральную* и *психологическую* проблему гомосексуальности. Здесь представлена, в сущности, психология страдающего. Но в новеллах не найти черного хода во внутренний мир писателя; они дают нам понять особый вид человеческого опыта.

Новеллы находились в архиве Бернара де Фаллуа, который скончался в январе 2018 года; они нуждаются в небольшом историческом разъяснении, ибо важно постичь, почему они столь долго ожидали публикации, каков был контекст, в котором Пруст писал эти тексты или делал к ним наброски, после чего бесповоротно решил утаить их от читающей публики и даже от ближайшего окружения.

*

Было время, сегодня совершенно забытое, когда если окидывали взором литературную судьбу Марселя Пруста, то приходили к мысли, что писатель прожил разбитую надвое жизнь: юность, проведенная в салонах, с бутоньеркой в петлице; и зрелость, убитая в страстных трудах над великим произведением, завершение которого Прусту едва достало времени разглядеть издали, когда он уходил из жизни в пятьдесят один год.

Марсель Пруст — автор романа «В поисках потерянного времени», литературного памятника Франции, объекта мирового культурного наследия. Современники начали это понимать по мере поочередной публикации последних томов цикла, завершившейся в 1927 году. Но оценка всего романа пришла на более позднее время, ибо он был слишком обширен, слишком насыщен для того, чтобы усвоить его сей же час. Как бы то ни было, но автор скончался за работой над своим произведением в том же возрасте, что и Бальзак, и приблизительно по тем же причинам. Не было ли слишком неосмотрительно с его стороны дожидаться начала упадка сил и почти ничего не писать — подобно герою «По-

исков», — чтобы затем впрячься в сверхчеловеческую литературную работу?

Ибо что случилось бы с Прустом без «Поисков»? «Утехи и Дни» — юношеская книжечка — вышла в свет на излете девятнадцатого столетия, словно приглашая перелистнуть страницу и увидеть, как на заре века двадцатого является вдруг литературный гений, автор великого произведения. Были еще переводы из Рёскина*, не лишённые связей с грядущей книгой, поскольку в них тоже говорилось о соборах, о чтении. И больше ничего. Разношерстная книга, писатель-переводчик.

Ветер перемен начал кружить в самой середине столетия. В 1949 году в издательстве «Ашетт» Андре Моруа* напечатал книгу «В Поисках Марселя Пруста», она дышала атмосферой, в которой жил писатель, подступая к великому творению. Биограф черпал в переписке признания, наводящие на мысль, что тот, кого считали автором последнего часа, чудом спасённой Словесности, только и делал, что писал — все время и непрерывно. Вскоре Моруа познакомился с Бернаром де Фаллуа, выпускником Парижского университета, который собирался, если на то будет

разрешение ученого совета факультета, писать диссертацию о Прусте; он рекомендовал его Сюзи Мант-Пруст*, племяннице писателя, к которой некогда привели его собственные изыскания и которая, как и ее покойный отец, была предана судьбам литературного наследия Марселя Пруста.

До того как перед ним открылись семейные архивы и он сам начал рыться в каталогах аукционов рукописей и автографов, Бернар де Фаллуа отнюдь не питал надежды, хотя многими такая надежда разделялась, на то, что ему удастся воздвигнуть памятник мировой литературы, ведь преддверием к роману была совершенно праздная юность. Тем не менее даже предварявшие «Поиски» сочинения, ценность которых отнюдь не стоит умалять, наводили на мысль, особенно если имелось понимание творческих установок писателя, что Пруст-до-Пруста непрерывно развивался, что этот завсегдатай парижских салонов не только совсем не походил на Шарля Свана, но, напротив, постоянно предавался напряженным размышлениям о том, что он способен писать.

В этом свете сочинения, предварявшие «Поиски» — начиная с «Утех и Дней» (1896)

и вплоть до перевода «Амьенской Библии» (1904) и «Сезама и лилий» (1906) Джона Рёскина, — предстали отнюдь не отходами великого произведения искусства, но очагом литературных экспериментов. Речь идет о лабораториях: тексты в них переливаются, будто в плавильной печи. Но между датами их создания имеются слишком большие пробелы, не позволяющие думать, будто незрелый писатель все время прерывал свои изыскания, свои вопрошания, переносил всякий раз на следующий год свои начинания, возвращаясь к ним, если представится случай. Словом, между этими свершениями имеется пустота. Каковая объясняется не бездействием писателя, но нашим неведением.

Именно в этот момент в архивах семьи Пруста (они будут переданы в Национальную библиотеку лишь в 1962 году) обнаруживаются — под пристальным взглядом ученого, обладающего методическими навыками и упорством архивиста, — неизвестные бумаги, число которых все время растет. Большой роман в разрозненных отрывках, написанный, как это ни парадоксально, от третьего лица, несмотря на то что он крайне тесно связан с биографией автора: рукописи мож-

но классифицировать по хронологии жизни главного персонажа, имя которого — Жан Сантей — станет заглавием всего корпуса. Реконструированный текст большого романа будет опубликован в издательстве «Галлимар» в 1952 году, автором предисловия выступит Андре Моруа. Связанные с этим большим романом письма и черновые записи показывают, что он был написан в основном в 1895–1899 годах. Следовательно, отнюдь не впад в бездеятельность, Пруст впрягся в работу над огромным романом еще до того, как вышел в свет сборник «Утехи и Дни». Сразу по его завершении, без передышки, а ведь роман, после того как все черновики были классифицированы и упорядочены, оказался весьма пухлым, хотя не был завершен.

Таким образом, возник мостик между «Утехами и Днями» и Джоном Рёскиным. Но тогда появляются другие черновики, другие тетради. Они датируются 1908 годом и предваряют «Поиски», обнаруживая, что романтический цикл явился к жизни одновременно с полемическим и философски весьма аргументированным эссе, направленным против биографического метода Сент-Бёва*. Время от времени Пруст подумывает выделить из чер-

новики свое эссе и опубликовать его отдельной книгой. Но реальность данных черновики совершенно иная; это — эссе и роман *в одно и то же время*.

Гибридная вещь не укладывается в классификации критики, что совсем не смущает Бернара де Фаллуа. Он уже представил новое толкование «Утех и Дней», книги, которую Пруст недолюбливал, потому что она — не «Поиски» и потому что все ее единство заключено в обложке; книга, пусть даже насыщенная и разнообразная, не представляет собой целостность, в которой все прочно связано, все необходимо, все предвосхищает то, что воспоследует. Вот почему Пруст, первооткрыватель новых книг, не смущен этим опытом литературной теории, выливающимся местами в роман, где целенаправленное опровержение Сент-Бёва чередуется с размышлениями о романах Бальзака, читавшихся в кругу Германтов.

В 1954 году Бернар де Фаллуа публикует корпус этих текстов, не нарушая их порядок редакторскими решениями, дав книге название «Против Сент-Бёва», подсказанное некоторыми письмами Пруста этого времени. Парадокс этого сборника, будет подчеркивать

критик позднее, в том, что памфлет Пруста против биографической критики появляется в тот момент, когда век снова обращает внимание на Пруста, но уже под знаком биографии писателя! Но момент выбран как нельзя более удачно, так как в эти самые годы господство истории литературы, в рамках которой писатели рассматривались в отношении того, что их окружает (круг чтения и общения, литературные школы и направления и, разумеется, все обстоятельства жизни) вступает в эпоху заката, уступая место новой школе, где упор ставится на чтении произведений как таковых, с ориентиром на внутреннюю структуру текстов. Опыт Пруста стал бальзамом для всей новой критики! Не пытаюсь заскочить в уже ушедший поезд, Бернар де Фаллуа извлечет из опубликованного им эссе главный урок. В своих «Семи лекциях о Марселе Прусте»¹ он поставит вопрос: «Так ли уж интересна жизнь Пруста?» — на который ответит: «Нет».

Тем временем пионер прустовских исследований решал собственную задачу, которая

---

¹ *Fallois B. de. Sept conférences sur Marcel Proust de, édition établie, annotée et préfacée par Luc Fraisse, éditions Bernard de Fallois, 2019.*